

Похвальба Скопина вызывает досаду бояр и кумы крестовой. Последняя подносит ему чару с отравой, и Скопин, еле держась на ногах, уезжает к матери, которая встречает его словами, предчувствующими недоброе:

«Не кума ли ты, дитятко, уподшивала,
Не крестовая ли ты, дитятко, учествовала?»¹

Через три часа Скопин умирает и вариант заканчивается кратким описанием его похорон в Архангельском соборе.

Если не считать этого последнего описания, хранящего черты прототипа, все остальное в песне уже охвачено эпической стихией, проникающей и в подробности: так в связи с отправлением Скопина в Москву введен *locus communis* снаряжения в путь и седлания коня; и чара с зельем лютым, поднесенная кумой, описывается сказочными чертами:

Въ среди чары огонь горѣлъ,
По краямъ чары ключи кипятъ.²

Позднее разрушение старого состава песни пошло дальше. Из остальных вариантов редкий сохраняет оба эпических мотива: большую частью один из них утрачивается, и песня развивается на основе другого, будет ли то непослушание матери или хвастанье на пиру. К первой категории надо отнести три варианта: 1) архангельский, записанный А. В. Марковым в 1899 г. (В. Ф. Миллер, № 192); 2) якутский, записанный В. Н. Богоразом в 1895 г. (В. Ф. Миллер, № 203); 3) якутский, записанный Строжецким в 1903 г. (В. Ф. Миллер, № 204). Архангельский вариант сводится к следующему: мать и жена наказывают князю Скопину Михаилу Васильевичу не ездить за Москву-реку, не пить не есть там, так как ему грозит гибель от кумы дочери Малютевой. Скопин не слушается: приезжает к князю Московскому, попадает на крестьянский пир и садится на большое место: это вызывает зависть бояр, по наущению которых крестовая кума подносит Скопину стакан с зельем лютым. Отравленный едет к матери, кается в грехах и умирает. В этом

¹ В. Ф. Миллер. Исторические песни, стр. 565.

² Отмечено еще В. Ф. Миллером, см. Очерки русской народной словесности, т. II, стр. 287.